

ОБРАЗ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА И П. П. НЕГОША

Л. С. ЦИМАНОВИЧ¹⁾

¹⁾Представительство ООО «Riko industrijski, gradbeni inzeniring in leasing d.o.o.» (Республика Словения)
в Республике Беларусь, ул. В. Хоружей, 22, офис 1002, 220123, г. Минск, Республика Беларусь

Анализируется образ Наполеона Бонапарта в творчестве двух великих славянских поэтов – А. С. Пушкина и П. П. Негоша. Рассматривается эволюция образа Наполеона в произведениях А. С. Пушкина, начиная с лирики лицейского периода до цикла «Песни западных славян», включавшего стихотворение «Бонапарт и черногорцы», в котором затрагивалась тема русско-черногорских отношений. Приводятся факты, доказывающие константное отношение П. П. Негоша к личности Наполеона, что прослеживается в ряде произведений, в том числе в поэме «Горный венец». Особое место отводится анализу образа Наполеона в десятой песне эпической поэмы П. П. Негоша «Свободидада», которая также посвящена теме совместной борьбы русских и черногорцев против французов на Адриатике.

Ключевые слова: Петр II Петрович Негош; А. С. Пушкин; славянские литературы; Наполеон I Бонапарт; наполеоновские войны.

FIGURE OF NAPOLEON BONAPARTE IN THE LITERARY WORKS OF A. S. PUSHKIN AND P. P. NJEGOS

L. S. TSIMANOVICH^a

^aRepresentative office of «Riko industrijski, gradbeni inzeniring in leasing d.o.o.» (Republic of Slovenia)
in the Republic of Belarus, V. Khoruzhei street, 22, office 1002, 220123, Minsk, Republic of Belarus

This article is dedicated to the analysis of Napoleon Bonaparte figure in the literary works of two great geniuses of the Slavs: A. S. Pushkin and P. P. Njegos. Here is described the evolution of Napoleon figure in Pushkin works, since the lyrics of Lyceum period till the «Songs of the Western Slavs» within the poem «Bonaparte and Montenegrins», which addressed the theme of Russian-Montenegrin relations. The article also provides facts proving a constant Njegos attitude to the figure of Napoleon in the history of humanity, which could be traced in a number of his works, including «The Mountain Wreath». A special place is given to the analysis of Napoleon figure in the 10th song of P. Njegos poetic cycle «Svobodijada», which is devoted to the theme of mutual struggle of Russians and Montenegrins against French at the Adriatic Sea as well as this idea is represented in Pushkin work «Bonaparte and Montenegrins».

Key words: Petar II Petrovic Njegos; A. S. Pushkin; slavic literature; Napoleon I Bonaparte; Napoleonic wars.

Наполеон Бонапарт – знаковая фигура в истории Нового времени. Пожалуй, редкий современник той эпохи относился к нему равнодушно: императором восхищались, его ненавидели, причем иногда отношение к Наполеону одних и тех же людей со временем изменялось.

Образец цитирования:

Циманович Л. С. Образ Наполеона Бонапарта в творчестве А. С. Пушкина и П. П. Негоша // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 30–34.

For citation:

Tsimanovich L. S. Figure of Napoleon Bonaparte in the literary works of A. S. Pushkin and P. P. Njegos. *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 30–34 (in Russ.).

Автор:

Людмила Сергеевна Циманович – помощник руководителя проектов.

Author:

Liudmila Tsimanovich, project manager assistant.
liudmila-ts@tut.by

Закономерно, что образ знаменитого французского полководца присутствует в произведениях выдающихся славянских поэтов – Александра Сергеевича Пушкина и Петра II Петровича Негоша.

Эпоху наполеоновских войн А. С. Пушкин застал в детстве и юности, поэтому уже в своих первых стихотворениях поэт обращался к образу французского императора: «Воспоминания в Царском Селе» (1814), «Наполеон на Эльбе» (1815), «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» (1815), «Принцу Оранскому» (1816), «Тень Фонвизина» (1815). Изображение французского полководца в этих произведениях соответствовало времени, поэтому «Наполеон предстал в характерном для конца первого десятилетия XIX века образе тирана, бича вселенной» [1, с. 66], например: *Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны, / Презревший правды глас, и веру, и закон, / В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны? / Исчез, как утром страшный сон!* [2, с. 13].

Примечательно, что А. С. Пушкин называет Наполеона «сыном Беллоны». Практически так же именует его П. П. Негош в посвящении сборника «Горный венец»: *Пусть этот гордый век встает над всеми временами, / в ушах народов будет он всегда греметь громами. / Беллона восемь близнецов взрастила в колыбели, / одновременно над землей их имена взлетели: / Наполеон, князь Веллингтон, Карл, Блюхер и Суворов, / Карагеоргий, бич бичей, Шварценберг и Кутузов* [3, с. 43]. На наш взгляд, это не простое совпадение: будучи большим поклонником творчества русского поэта, П. П. Негош просто позаимствовал у него данную метафору. В любом случае известно, что стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» входило в девятый том (1841) первого посмертного собрания сочинений А. С. Пушкина, имевшегося в библиотеке сербского поэта.

В 1820-х гг. А. С. Пушкин несколько пересмотрел свое отношение к Наполеону, причиной чего послужили смерть императора и пребывание самого Александра Сергеевича в южной ссылке: «Обстановка, в которой поэт создает свои стихотворения, по сравнению с лицейским периодом творчества коренным образом изменилась. Находясь в ссылке, Пушкин переживает кратковременное увлечение романтизмом Байрона. Образ сосланного Наполеона наполняется теперь ассоциациями, которых не могло быть у лицеиста Пушкина. И в содержании стихотворения [“Наполеон”] отчетливо прослеживается полемика с теми официозными откликами на смерть Наполеона, которые появились в русской периодической печати» [4, с. 108]. Смерть французского императора осмысливается А. С. Пушкиным с философской точки зрения, лирический герой погружается в рефлексии о тленности бытия и стремительном ходе времени: он вспоминает блистательное возвышение Наполеона в ходе Великой французской революции, сулившей стране свободу, а также закат этой свободы по причине желания со стороны полководца обладать неограниченной властью: *И день великий, неизбежный – / Свободы яркий день вставал, – / Тогда в волненье бурь народных / Предвидя чудный свой удел, / В его надеждах благородных / Ты человечество презрел* [5, с. 161].

Таким образом, А. С. Пушкин выразил «романтическую идею избранной личности, рвущейся управлять миром. Он нагнетает ряд мощных гипербола, создавая грандиозный образ души, стремящейся утолить жажду власти “до упоения”» [6, с. 64].

Русский поэт по-прежнему негативно оценивает роль Наполеона в истории по причине «памяти кровавой» [5, с. 160], но стихотворение он заканчивает на позитивной ноте: *Да будет омрачен позором / Тот малодушный, кто в сей день / Безумным возмутит укором / Его развенчанную тень!* [5, с. 163]. Таким образом, «развенчав Наполеона-“тирана”, он воспевае Наполеона-человека, чья необычная судьба помогла человечеству осознать свою неискоренимую потребность свободы» [6, с. 66].

Образ Наполеона в творчестве А. С. Пушкина появляется и в поздний период – в стихотворении «Бонапарт и черногорцы», входившем в цикл «Песни западных славян». Как известно, данный цикл является литературной мистификацией: в его основу легли переводы А. С. Пушкина одиннадцати песен из сборника Проспера Мериме «La Guzla», двух произведений из сборников эпических песен Вука Караджича, а также три оригинальных произведения. Стихотворение «Бонапарт и черногорцы» является переводом песни П. Мериме «Черногорцы». Насколько точно русский поэт передавал особенности оригинального произведения, можно судить, опираясь на замечание С. А. Фомичева: «Бережное отношение к “Гузле”, между прочим, подчеркивает и тот факт, что Пушкин каждый раз (кроме одного случая) <...> сохраняет деление песен на строфы в соответствии с оригиналом <...> если в оригинале имеются обозначенные многоточием пропуски текста, Пушкин сохраняет их (“Бонапарт и черногорцы”, “Феодор и Елена”» [7, с. 242–243]. Однако в данном произведении интересна его стихотворная рифмованная форма, изначально отсутствующая в тексте П. Мериме.

Для стихотворения «Бонапарт и черногорцы» русский поэт выбрал восьмисложный хорей, что в принципе нехарактерно для названного цикла: «Пушкин, как видно, колебался между тем или иным способом передачи народных сюжетов. В “Песнях западных славян” у него получил преобладание народный размер. Только “Похоронная песня”, “Бонапарт и черногорцы”, “Вурдалак” и “Конь” писаны рифмованными стихами, во всех остальных, по наблюдению профессора Ф. Е. Корша, Пушкин своеобразно

подражал сербскому десятисложному стиху, не заботясь о введении правильного стопного строя, а свободно обращаясь с размером и довольствуясь осуществлением ритма в общих чертах» [8, с. 107]. Напрашивается вывод о том, что сербского своеобразия в стихотворении «Бонапарт и черногорцы» мало, однако оно интересно в плане тематической связи с Черногорией. Возможно, А. С. Пушкина заинтересовал факт участия черногорцев (подчеркнем – на стороне России) в войне против Наполеона, тем более что рефлексии о периоде наполеоновских войн не раз встречаются в его творчестве. В поэтическом переложении А. С. Пушкина Наполеон предстает высокомерным тираном, крайне удивленным тому, что неизвестный ему малочисленный народ дерзнул противостоять мощи его великой армии: *Черногорцы? что такое? – / Бонапарте спросил. – / Правда ль: это племя злое, / Не боится наших сил? / Так раскоятся ж нахалы: / Объявить их старшинам, / Чтобы ружья и кинжалы / Все несли к моим ногам* [9, с. 406–407].

В данной песне изложенные события не соответствуют исторической действительности: военной компанией на Адриатике руководил генерал Мармон, а не сам Наполеон. Упоминание в стихотворении Бонапарта нацелено на возвеличение роли черногорцев, храбрость которых позволила добиться победы над армией, значительно превосходящей их войско.

Примечательно, что в творчестве П. П. Негоша также есть ряд произведений, тематически связанных с наполеоновскими войнами, где представлен образ французского императора: как уже было указано, образ Наполеона встречается в посвящении сборника «Горный венец», кроме того, присутствует в сатирическом стихотворении «Дунул ветер сильный на Россию» (в нем Бонапарт представлен в образе петуха, дерзнувшего напасть на «орла» – Россию), а также в десятой песне эпической поэмы «Свободиада».

«Свободиада» представляет собой масштабное произведение, где «опеты все значимые бои и битвы, в которых черногорские и бердские племена сражались против турок, французов, венецианцев и других неприятелей Черногории во время правления митрополитов из династии Петровичей-Негошей. Данное самое большое по объему эпическое произведение молодого Негоша было написано между 1834 и 1835 гг.»¹ [10, с. 320]. По сути, «Свободиада» во многом походит на сборник эпических песен «Зеркало сербское», в котором также описываются самые важные бои черногорцев, с той только разницей, что рассматриваемая эпическая поэма, состоящая из десяти отдельных песен, каждая из которых описывает один бой и имеет завершённую структуру, отражает взгляд П. П. Негоша на историю, ход событий. В поэме большую роль автор отводит подробному описанию сражений, причем делает это в форме восьмисложного стиха, изобилующего метафорами из античной мифологии, на языке, который больше походит на славяно-сербский. Поскольку поэма «Свободиада» была написана раньше сборника «Зеркало сербское», можно предположить, что П. П. Негош с течением времени выработал критичное отношение к себе как к летописцу, выше оценивая народное видение событий, запечатленных в эпических песнях. По воспоминаниям Л. Ненадовича, незадолго до смерти поэт охарактеризовал свою работу следующим образом: «Это я написал в свои молодые годы, но у меня не вышло так, как я хотел. Сейчас я болен и не могу его (сочинение. – Л. Ц.) исправить» [11, с. 57].

Десятая, завершающая песня поэмы «Свободиада» посвящена одной из самых значительных побед Петра I Петровича Негоша над французами на Адриатике, когда «черногорцы, водимые русскими, ходили по всей Боке и под Дубровник, и под Никшич, и под Клобук» [12, с. 614]. Здесь любовь П. П. Негоша к России раскрывается в полной мере: он гордится своим предшественником, который не словом, а делом доказал верность братскому союзу славянских народов: *Черногорское племя храброе, / как только услышало и осознало, / что Бонапарт силы двинул, / чтобы затмить вечно светлую / внуков Рюрика / славу, никем не запятнанную, / тогда быстро черногорские / соколы налетели / на шесть городов Приморья* [13, с. 220].

Данная песня тематически близка к стихотворению А. С. Пушкина «Бонапарт и черногорцы»: кроме общих исторических событий, в ней, с одной стороны, также воспевается храбрость горцев, с другой – присутствует образ Наполеона.

Между тем, в отличие от А. С. Пушкина, П. П. Негош отношение к Наполеону на протяжении всего творческого пути не изменял: практически во всех произведениях оно константно отрицательное. Однако если в стихотворении «Дунул ветер сильный на Россию» образ императора сатирически окрашен, то в поэме «Свободиада» он предстает как угнетающий свободу тиран, агрессивные амбиции которого сродни «ярости турецкой»: *Бонапарта взмах меча / всей Европы венценосной / троны гордые и престолы / в рыцарской крови утопил; / все их короны жадной / рукой Париж себе взял / и надевает их на гордую / властелина своего голову* [13, с. 185].

Образ Наполеона в поэме «Свободиада» неиндивидуализирован: за именем «Бонапарт» нет чело- века с личным триумфом и поражением, как, например, в стихотворении А. С. Пушкина «Наполеон».

¹Здесь и далее перевод наш. – Л. Ц.

У П. П. Негоша Бонапарт – это собирательный образ военачальников тиранической армии (Мармон, Лористон, Бертран и др.), в действиях которой нет места состраданию. Поэтому образы Бонапарта и Галла в поэме отождествляются: *Не могла бы мышца Галла / противиться кровопролитному / полету меча Славы* [13, с. 189].

Что касается простых французских солдат, то их П. П. Негош не включает в данную цепочку образов, относясь к ним нейтрально, так как понимает, что эти люди являются только орудием тирана и зачастую лишены выбора: *Француз, напуганный и уstraшенный, / силой мышц славян, / с поля боя убежал* [13, с. 196].

Таким образом, П. П. Негош еще раз главной ценностью народа провозглашает свободу от тирании в любых ее проявлениях, связывая эту свободу главным образом с независимостью. Также и А. С. Пушкин был известен именно тем, что «в свой жестокий век прославил <...> свободу» [14, с. 460], при этом делая упор на свободу слова, свободомыслие. Русский поэт страдал от цензуры, узких рамок мировоззрения, в которые его пытались загнать. У П. П. Негоша на первый взгляд такой проблемы не было: в своей собственной типографии в Цетине, где единственным цензором был выдуманный Драго Драгович, он мог публиковать любые свои труды. Однако, несмотря на это, поэма «Свободиада» при жизни поэта не увидела свет. Обстоятельства сложились так, что решать, быть ли книге опубликованной, выпало строгому цензору А. С. Пушкина – императору Николаю I: черногорский поэт планировал посвятить поэму «Свободиада» российскому монарху, однако, опасаясь, что «текст содержит что-либо препятствующее “к посвящению”» [15, с. 152], П. П. Негоша попросили предоставить рукопись сочинения на цензуру, и ответа о возможности удовлетворения просьбы поэта не последовало. Дальнейшую судьбу рукописи проследил П. А. Лавров: «Тот факт, что рукопись ее (поэмы. – Л. Ц.), хранящаяся в Петербургской публичной библиотеке, поступила в нее после разбора бумаг покойного Императора Николая Павловича, дает основание полагать, что она была представлена Государю» [16, с. 235].

С точки зрения дипломатии поэма П. П. Негоша «Свободиада» не вписывалась в рамки политкорректности, поэтому и не было одобрено ее посвящение российскому императору: в данном случае статус политика помешал сербскому поэту выразить признательность человеку, олицетворявшему в его сознании мощного славянского союзника.

Библиографические ссылки

1. Федунова Е. А. Наполеон в раннем творчестве Пушкина // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. 2011. № 3. С. 63–72.
2. Пушкин А. С. Воспоминания в Царском Селе // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1959–1962. Т. 1 : Стихотворения. 1814–1822. 1959. С. 9–13.
3. Негош П. Горный венец / пер. Ю. Кузнецова. Белград, 1997.
4. Стенник Ю. В. Традиции торжественной оды XVIII века в лирике Пушкина периода Южной ссылки («Наполеон») // Русская литература XVIII века и ее международные связи : сборник. Л., 1975. Вып. 10. С. 107–112.
5. Пушкин А. С. Наполеон // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1959–1962. Т. 1 : Стихотворения. 1814–1822. 1959. С. 160–163.
6. Ложкова Т. А. Личность и история в оде А. С. Пушкина «Наполеон» // Филол. класс. 2012. № 4 (30). С. 63–66.
7. Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: творческая эволюция. Л., 1986.
8. Лавров П. А. Пушкин и славяне // Пушкинские дни в Одессе (Одесса, 26–27 мая 1899 г.). Одесса, 1900. С. 95–113.
9. Пушкин А. С. Бонапарт и черногорцы // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1959–1962. Т. 2 : Стихотворения. 1823–1836. 1959. С. 406–408.
10. Јашовић Г. Имена у епском спеву Свободијада Петра II Петровића Његоша // Од косовског завета до Његошевог макрокозма: Петар II Петровић Његош (1813–2013) : међунар. темат. зб. Косовска Митровица, 2014. С. 319–332.
11. Ненадовић Љ. Писма из Италије. Београд, 1907.
12. Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем : в 6 т. СПб., 1897. Т. 1.
13. Његош П. П. Свободијада // Његош П. П. Собр. соч. : в 7 т. Београд ; Цетиње, 1974. Т. 2. С. 9–224.
14. Пушкин А. С. Памятник // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1962. Т. 2 : Стихотворения. 1823–1836. 1962. С. 460.
15. Ђуровић Р. Његош и Русија // Енциклопедија Његош. Подгорица, 1999. С. 147–160.
16. Лавров П. А. Петръ II Петровиѣ Нѣгошъ владыка черногорский и его литературная дѣятельность. М., 1887.

References

1. Fedunova E. A. Napoleon in the early works of Pushkin. *Vestnik Novosib. gos. pedagog. univ.* 2011. No. 3. P. 63–72 (in Russ.).
2. Pushkin A. S. Vospominaniya v Tsarskom Sele. In: Pushkin A. S. *Sobr. sochinenii* : in 10 vol. Moscow, 1959–1962. Vol. 1 : Stikhotvoreniya. 1814–1822. 1959. P. 9–13 (in Russ.).
3. Negosh P. Gornyi venets. Belgrad, 1997 (in Russ.).
4. Stennik Y. V. Traditsii torzhestvennoi ody XVIII veka v lirike Pushkina perioda Yuzhnoi ssylki («Napoleon») [Traditions of solemn odes of the XVIII century in the lyrics of Pushkin Southern exile period («Napoleon»)]. *Russkaya literatura XVIII veka i ee mezhdunarodnye svyazi* : sbornik. Leningrad, 1975. Issue 10. P. 107–112 (in Russ.).

5. Pushkin A. S. Napoleon. In: Pushkin A. S. *Sobr. sochinenii* : in 10 vol. Moscow, 1959–1962. Vol. 1 : Stikhotvoreniya. 1814–1822. 1959. P. 160–163 (in Russ.).
6. Lozhkova T. A. Personality and history in the ode A. S. Pushkin «Napoleon». *Filol. kl.* 2012. No. 4 (30). P. 63–66 (in Russ.).
7. Fomichev S. A. Poeziya Pushkina: tvorcheskaya evolyutsiya. Leningrad, 1986 (in Russ.).
8. Lavrov P. A. Pushkin i slavyane [Pushkin and Slavs]. *Pushkinskie dni v Odesse* (Odessa, 26–27 May, 1899). Odessa, 1900. P. 95–113 (in Russ.).
9. Pushkin A. S. Bonapart i chernogortsy. In: Pushkin A. S. *Sobr. sochinenii* : in 10 vol. Moscow, 1959–1962. Vol. 2 : Stikhotvoreniya. 1823–1836. 1959. P. 406–408 (in Russ.).
10. Jashovich G. The names in the epic poem Svobodijada by Petar II Petrovich Njegos. *Od kosovskog zaveta do Njegoshevog makrokozma: Petar II Petrovich Njegosh (1813–2013)* : mejunarodni tematski zbornik. Kosovska Mitrovica, 2014. P. 319–332 (in Serbian).
11. Nenadović Lj. Pisma iz Italije. Beograd, 1907 (in Serbian).
12. Rovinskiy P. A. Chernogoriya v ee proshlom i nastoyashchem : in 6 vol. Saint Petersburg, 1897. Vol. 1 (in Russ.).
13. Njegos P. P. Svobodijada. In: Njegos P. P. *Sobr. sochinenii* : in 7 vol. Beograd ; Tsetin’e, 1974. Vol. 2. P. 9–224 (in Serbian).
14. Pushkin A. S. Pamyatnik. In: Pushkin A. S. *Sobr. sochinenii* : in 10 vol. Moscow, 1962. Vol. 2 : Stikhotvoreniya. 1823–1836. 1962. P. 460 (in Russ.).
15. Djurovic R. Njegosh i Rusija [Njegos and Russia]. *Encyclopaedia Njegos*. Podgorica, 1999. P. 147–160 (in Serbian).
16. Lavrov P. A. Petr II Petrovich Njegosh vladyka chernogorskii i ego literaturnaya deyatel’nost’. Moscow, 1887 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 20.12.2016.
Received by editorial board 20.12.2016.